

ФРИДРИХ ХАЙЕК

ДОРОГА К РАБСТВУ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 32
ББК 66.0
Х15

Серия «Эксклюзивная классика»

Friedrich August von Hayek
THE ROAD TO SERFDOM

Перевод с английского *М.Б. Гнедовского*

Серийное оформление *А.В. Фереца*

Компьютерный дизайн *А.А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Routledge,
a member of the Taylor & Francis Group.

Хайек, Фридрих.

Х15 Дорога к рабству / Фридрих Хайек ; [перевод с английского М.Б. Гнедовского]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-135141-0

Пожалуй, самая громкая работа Фридриха Августа фон Хайека — «Дорога к рабству» — была опубликована в годы войны (1944) и стала одним из признанных трудов в защиту свободного общества. Многократно переиздававшаяся и переведенная на многие языки, она оказала большое влияние на мировую экономику и политику, воплотив в себе идейную основу для отказа от тотального государственного контроля над экономической сферой. Хайек убедительно и аргументированно развенчивает миф о действенности «всемогущего государства», критикует социалистическую идеологию и экономику и доказывает, что они неизбежно ведут к тоталитаризму и диктатуре. А расширение государственной власти, по Хайеку, подавляет личную свободу граждан и развитие культуры.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-17-135141-0

© Friedrich August von Hayek, 1944
© Перевод. М.Б. Гнедовский, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие к репринтному изданию 1976 года

С этой книги, написанной на досуге в 1940—1943 годах, когда я по большей части занимался проблемами чистой экономической теории, неожиданно для меня самого началась моя более чем тридцатилетняя работа в новой области. Первая попытка найти новое направление была вызвана моим раздражением по поводу абсолютно неверной интерпретации нацистского движения в британских «прогрессивных» кругах. Это раздражение принудило меня написать записку тогдашнему директору Лондонской школы экономики сэру Уильяму Бевериджу, а затем статью для *Contemporary Review* за 1938 год, которую я по просьбе профессора Гарри Д. Гидеонса дополнил для публикации в его *Public Policy Pamphlets* и которую с большой неохотой (обнаружив, что все мои более компетентные британские коллеги заняты ходом военных действий) я наконец превратил в этот трактат. Несмотря на совершенно неожиданный успех «Дороги к рабству» (а не планировавшееся сначала американское издание имело еще больший успех, чем британское), я долго не был ею доволен. Хотя

в самом начале книги честно сказано, что она носит политический характер, мои коллеги по общественным наукам сумели внушить мне ощущение, что я занимаюсь не тем, чем следует, и меня самого смущало, достаточно ли у меня компетенции, чтобы выходить за границы экономики в техническом смысле слова. Не буду здесь говорить ни о том, какую ярость вызвала моя книга в определенных кругах, ни о весьма любопытной разнице между тем, как ее приняли в Великобритании и Соединенных Штатах, — я писал об этом пару десятилетий назад в «Предисловии к первому американскому карманному изданию». Только для того, чтобы дать представление о распространенной реакции, упомяну случай, когда один хорошо известный философ, чье имя останется неназванным, написал другому философу письмо, в котором упрекал его за похвалы этой скандальной книге, которую он сам, «конечно же, не читал!».

Хотя я приложил немало усилий, чтобы оставаться в рамках собственно экономики, я не мог избавиться от мысли, что вопросы, которые я столь неосмотрительно поднял, сложнее и важнее, чем вопросы экономической теории, и сказанное в первоначальном варианте моей работы нуждается в прояснении и доработке. Когда я писал эту книгу, я далеко не в достаточной мере освободился от предрассудков и предубеждений, правящих общественным мнением, и в еще меньшей степени умел избегать обыкновенного смешения терминов и понятий — того, к чему я впоследствии стал относиться очень внимательно. Предпринятое мной обсуждение последствий социальной политики,

разумеется, не может быть полным без адекватного рассмотрения требований и возможностей правильно организованного рыночного порядка. Именно последней проблеме посвящены мои дальнейшие штудии в этой области. Первым результатом моих усилий объяснить порядок свободы стало большое исследование «Основной закон свободы» (Constitution of Liberty, 1960), в котором я попытался существенно переформулировать и более последовательно выразить классические доктрины либерализма XIX столетия. Понимание того, что такая переформулировка оставляет без ответа целый ряд важных вопросов, побудила меня дать на них собственные ответы в трехтомном труде «Право, законодательство и свобода» (Law, Legislation and Liberty), первый том которого увидел свет в 1973 году.

Как мне представляется, за последние двадцать лет мне удалось немало узнать о проблемах, затронутых в этой книге, хотя за это время я ее, кажется, даже не перечитывал. Перечитав ее сейчас, чтобы написать это предисловие, я впервые ощутил, что я не только не стесняюсь ее, но, напротив, горд ею — не в последнюю очередь за открытия, позволившие мне посвятить ее «социалистам всех партий». Действительно, хотя за это время я прочел немало того, о чем не знал, когда писал ее, теперь я часто удивляюсь, как многое из понятого еще тогда, в самом начале пути, подтвердилось дальнейшими исследованиями. И хотя более поздние мои работы окажутся, смею надеяться, более полезными профессионалам, я готов без колебаний рекомендовать эту старую книгу широкому чита-

телю, который хочет иметь простое, не перегруженное техническими деталями введение в проблему, которая, по моему убеждению, до сих пор остается одной из самых насущных и до сих пор ожидает своего решения.

Читатель, вероятно, спросит, означает ли сказанное, что я по-прежнему готов отстаивать все основные выводы этой книги, и ответ на это будет в целом положительный. Наиболее существенная оговорка, которую следует сделать, такова: за истекшее время изменилась терминология, и поэтому многое из того, что здесь сказано, может быть понято неверно. В то время, когда я писал «Дорогу к рабству», социализм однозначно понимался как национализация средств производства и централизованное экономическое планирование, которое благодаря национализации становится возможным и необходимым. В этом смысле нынешняя Швеция, например, организована гораздо менее социалистически, чем Великобритания или Австрия, хотя принято считать, что Швеция — страна гораздо более социалистическая. Это произошло потому, что под социализмом стали понимать прежде всего широкое перераспределение доходов с помощью налогообложения и институтов «государства всеобщего благосостояния». В условиях такой разновидности социализма явления, обсуждаемые в этой книге, протекают медленнее, не столь прямолинейно и не выражаются в полной мере. Я считаю, что в конечном итоге это приведет к тем же самым результатам, хотя сами процессы будут не совсем такими, как описано в моей книге.

Мне часто приписывают вывод, что любое движение к социализму с необходимостью ведет к тоталитаризму. Хотя такая опасность существует, идея книги не в этом. Ее главная мысль состоит в том, что если мы не пересмотрим принципы нашей политики, мы столкнемся с самыми неприятными последствиями, которые вовсе не были целью для большинства сторонников этой политики.

В чем, как мне сегодня представляется, я был неправ, так это в недооценке опыта коммунизма в России. Наверное, этот недостаток можно было бы простить, учитывая, что в те годы, когда я это писал, Россия была нашим союзником в войне, и я еще не совсем избавился от обычных для того времени интервенционистских предубеждений, а потому позволил себе сделать немало уступок — на мой сегодняшний взгляд, неоправданных. И я, конечно, не вполне осознавал, насколько плохо обстоят дела во многих отношениях. Я, например, считал риторическим вопрос, который задавал на с. 144: если «...Гитлер получил неограниченную власть строго конституционным путем <...> решится ли кто-нибудь на этом основании утверждать, что в Германии до сих пор существует правозаконность?» Однако позже обнаружилось, что именно это утверждают профессора Ганс Кельсен и Гарольд Дж. Ласки, а вслед за этими влиятельными авторами — другие социалистические юристы и политологи. Как бы то ни было, дальнейшее исследование современных интеллектуальных течений и современных институций лишь усилило мои опасения и тревоги. А влияние социалистических идей вкуче с наивной верой в благие намерения

тех, в чьих руках сосредоточивается тоталитарная власть, значительно возросла с тех пор, как я написал «Дорогу к рабству».

Долгое время мне было досадно, что работа, которую я считал памфлетом на злобу дня, пользуется более широкой известностью, чем мои собственно научные труды. Однако, глядя на написанное через призму дальнейших штудий, посвященных проблемам, поднятым более тридцати лет назад, я больше не чувствую досады. Хотя в этой книге я многого не смог убедительно продемонстрировать, она представляла собой искреннюю попытку найти истину, и, как я думаю, мне удалось сделать какие-то открытия, которые пригодятся даже тем, кто со мной не согласен, и помогут им избежать серьезных опасностей.

Предисловие к американскому карманному изданию 1956 года

Хотя эта книга могла бы во многих отношениях выглядеть иначе, если бы я изначально держал в уме американскую аудиторию, теперь, когда она заняла в Соединенных Штатах вполне определенное положение (что, впрочем, трудно было предсказать), переписывать что-либо вряд ли имеет смысл.

Эта книга была написана в Англии в годы войны и была рассчитана почти исключительно на английских читателей. В том, что я посвятил ее «социалистам всех партий», не было никакой насмешки. Моя книга появилась в результате многочисленных дискуссий предшествующего десятилетия, которые я вел с друзьями и коллегами, чьи политические взгляды клонились влево; продолжением тех споров стала «Дорога к рабству».

К тому времени, когда в Германии к власти пришел Гитлер, я уже несколько лет преподавал в Лондонском университете, но продолжал внимательно следить за континентальными событиями вплоть до начала войны. Рассмотрение различных тоталитарных движений, возникновение и разви-

тие которых привело меня к мысли о том, что английское общественное мнение, и в частности мнение моих друзей, совершенно неадекватно природе этих движений. Еще до войны это заставило меня высказать в небольшой статье идеи, которые потом стали центральными для настоящей книги. Но после того, как началась война, я осознал, что широкое непонимание политической системы как наших врагов, так и нашего нового союзника — России, — представляет серьезную опасность, борьба с которой требует более систематических усилий. Кроме того, было уже достаточно очевидно, что сама Англия была готова начать после войны эксперименты с такого рода политикой, которая, по моему убеждению, привела к уничтожению свободы в других странах.

Вот почему эта книга постепенно стала принимать форму предостережения, обращенного к британской социалистической интеллигенции. С неизбежными для военного времени задержками книга вышла из печати весной 1944 года. Кстати сказать, эта дата также объясняет, почему я, для того чтобы быть услышанным, предпочел воздержаться от комментариев по поводу нашего военного союзника и использовал в качестве примеров события, происходившие в Германии.

По-видимому, книга появилась в благоприятный момент, и мне остается только с удовлетворением отметить успех, который она имела в Англии, — этот успех был иным по качеству, но не меньшим по масштабу, чем в Соединенных Штатах. В общем и целом книга была воспринята адекватно, и высказанные в ней тезисы были всерьез

приняты к сведению теми, кому они были адресованы. На меня произвел глубокое впечатление тот факт, что за исключением нескольких ведущих политиков-лейбористов (которые — как бы в доказательство правоты моих замечаний о националистических тенденциях в социализме — выступили против книги на том основании, что она написана иностранцем) люди, чьи убеждения вступали в резкое противоречие с моими выводами, отнеслись к ним вдумчиво и внимательно¹. То же самое можно сказать и о других европейских странах, где была напечатана «Дорога к рабству»; непредвиденную радость доставил мне необычайно теплый прием, оказанный моей книге в постнацистской Германии, когда туда, наконец, попали экземпляры перевода, опубликованного в Швейцарии.

Совершенно иначе была воспринята книга в Соединенных Штатах, где она была напечатана через несколько месяцев после британской публикации. Когда я писал эту книгу, я мало думал о том, какое впечатление она произведет на американских читателей. В последний раз я был в Америке за двадцать лет до того, еще аспирантом,

¹ Вероятно, наиболее показательный пример британской критики «Дороги к рабству» с левых позиций — это корректное и честное исследование г-жи Барбары Вуттон «Свобода при плановом хозяйстве» (*Wootton B. Freedom under Planning*. London: George Alien & Unwin, 1946). В Соединенных Штатах эту работу цитируют как пример успешного опровержения моих идей, но, как мне представляется, у многих читателей осталось впечатление, что (воспользуемся словами одного американского рецензента) «в основном [книга Вуттон] подтверждает тезисы Хайека» (*Barnard C. I. // Southern Economic Journal*, 1946. January).

и с тех пор не очень-то следил за развитием американской мысли. Я не имел понятия, насколько прямое отношение мои тезисы имеют к американской ситуации и совсем не удивился, когда оказалось, что три первых издательства, которым была предложена книга, ее отвергли¹. Никто, разумеется, даже не предполагал, что после того, как книга будет выпущена ее нынешними издателями, она начнет расходиться со скоростью, практически беспрецедентной для такого рода литературы, не предназначенной для массового потребления². В еще большей степени я был поражен бурной реакцией обоих политических лагерей — чрезмерными похвалами, доносившимися из одного стана, и жгучей ненавистью, веявшей от представителей другого.

¹ Я не знал тогда, что, как мне объяснил потом советник одной компании, это произошло не из-за сомнений в коммерческом успехе издания, а вследствие политического предубеждения, настолько сильного, что книга казалась «недостойной для публикации в приличном издательстве» (см. по этому поводу высказывание Уильяма Миллера, процитированное в статье: *Couch W.T. The Sainted Book Burners // The Freeman. 1955. P. 423*; см. также книгу: *Miller W. The Book Industry: A Report of the Public Library Inquiry of the Social Science Research Council. N.Y.: Columbia University Press, 1949. P. 12*).

² Этому немало поспособствовала публикация резюме моей книги в *Reader's Digest*, и я хотел бы публично выразить свою признательность редакторам этого журнала за мастерство, с которым это резюме было составлено без моего участия. Сокращение текста, содержащего сложную систему аргументации, до размера малой доли исходного текста неминуемо приводит к некоторому упрощению; но то, что такое сокращение было проведено без ущерба для содержания и что сам я вряд ли сумел справиться с этим лучше, — большое достижение.

В отличие от Англии в Америке читатели, которым была в первую очередь адресована книга, отвергли ее, усмотрев в ней злобные и коварные нападки на свои высшие идеалы; на рассмотрение аргументации они, судя по всему, даже не стали тратить времени. И язык, которым пользовались самые недоброжелательные критики, и эмоции, которые они выражали, — это было нечто особенное¹. Нисколько не меньше поразили меня восторги тех, от кого меньше всего ожидаешь услышать, что они прочли такого рода книжку, и многих таких, которые ее навряд ли читали. Хочу добавить, что иногда то, как это все происходило, в очередной раз доказывало справедливость слов лорда Актона о том, что «во все времена истинные друзья свободы были редки, и своими триумфами она была обязана меньшинству, которое одерживало победу, объединяясь с другими, чьи цели часто отличались от их собственных; и это объединение, всегда опасное, подчас приводило к катастрофе».

Маловероятно, что столь несхожий прием по разные стороны Атлантики был оказан книге лишь по причине несходства национальных характеров. Со временем я все больше проникаюсь убеждением, что объяснение следует искать в отличии американской интеллектуальной ситуации от европейской. В Англии и в Европе в целом затронутые мной проблемы давно перестали быть пустой аб-

¹ Рекомендую любопытствующим читателям образчик оскорблений и поношений, не имеющий, вероятно, аналогов в практике современной академической дискуссии, — книгу профессора Германа Файнера «Дорога к реакции» (*Finer H. Road to Reaction. Boston: Little Brown & Co., 1945*).

стракцией. К тому времени идеалы, которые я подверг исследованию, уже спустились на грешную землю, и даже самые рьяные их сторонники увидели воочию и конкретные трудности, возникающие на пути осуществления этих идеалов, и непредвиденные последствия. Таким образом, почти все мои европейские читатели были на собственном опыте знакомы с явлениями, о которых я писал, а я лишь систематически изложил то, что они и без того ощущали интуитивно. Разочарование в левых идеалах возникало подспудно, а их критическое рассмотрение лишь проявляло и проясняло уже существовавшее разочарование.

Напротив, в Соединенных Штатах эти идеалы были еще внове и действовали заразительнее. Прошло всего десять или пятнадцать лет (а не сорок пятьдесят, как в Англии), с тех пор как широкие круги интеллигенции подхватили эту инфекцию. И, несмотря на эксперимент Рузвельта — Новый курс, — их энтузиазм по поводу рационально организованного общества еще не был запятнан практическим опытом. То, что большинство европейцев воспринимали как «старую песню», для американских интеллектуалов являло собой заманчивую мечту о лучшем мире, которую они взрастили и взлелеяли за годы Великой депрессии.

Мнение в Соединенных Штатах меняется быстро, и сегодня уже непросто вспомнить, что относительно незадолго до появления «Дороги к рабству» люди, которым вскоре предстояло сыграть значительную роль в публичной жизни, всерьез защищали самую крайнюю форму экономического планирования и брали за образец Россию. Легко

было бы дать здесь точные ссылки, но сейчас было несправедливо задевать ту или иную конкретную личность. Достаточно упомянуть, что в 1934 году новообразованный Национальный совет по планированию уделил немало внимания примерам ведения планового хозяйства в четырех странах — Германии, Италии, России и Японии. Конечно, через десять лет мы стали называть те же самые страны «тоталитарными», провели против трех из них тяжелую многолетнюю войну, а с четвертой вскоре начали другую войну — «холодную». Однако мое утверждение, что политическое развитие этих стран как-то связано с их экономической политикой, вызывало тогда негодующие возражения американских сторонников экономического планирования. Вдруг стало модным отрицать, что идея планирования пришла из России, и отстаивать, подобно одному моему именитому критику, «тот очевидный факт, что Италия, Россия, Япония и Германия пришли к тоталитаризму совершенно разными путями».

В момент выхода «Дороги к рабству» интеллектуальная атмосфера в Соединенных Штатах была такова, что книга была просто обречена либо сильно шокировать, либо приводить в полное восхищение членов двух непримиримых группировок. Как следствие этого, книга, несмотря на свой видимый успех, не произвела того воздействия, на которое я мог рассчитывать и которое она произвела в других странах. Действительно, сегодня ее главные выводы широко признаны. Если двадцать лет назад многим казалось чуть ли не святотатством утверждение, что фашизм и коммунизм суть